

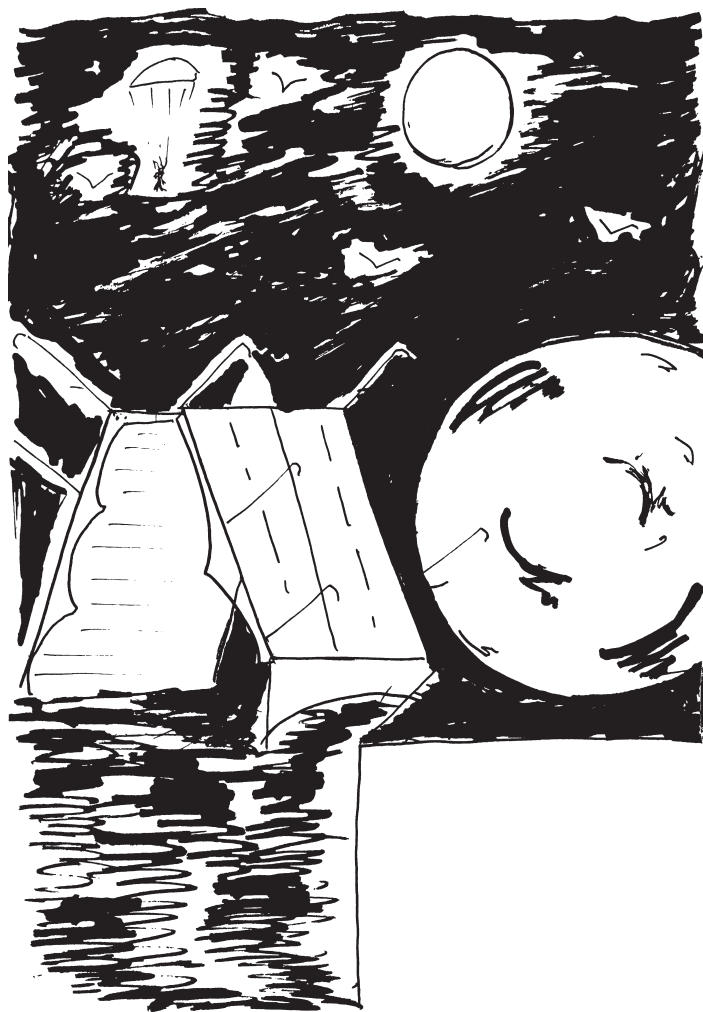
Эта книга — простые, понятные истории о том, как в трудные волнительные моменты жизни найти в себе силы, собрать себя из того, что есть, чтобы поднять голову, пересечь черную полосу, бросив все свои страдания и переживания, идти дальше по белой.

Сборник рассказов о том, как перестать забивать на себя, подстраиваться, терпеть, при помощи одного только «Не хочу!». Порой его так трудно произнести, а все потому, что за ним настоящая жизнь без иллюзий, настоящие чувства и одна единственная жизнь. За ним то, что вы действительно хотите.

Искренне ваш,

В. Ринат

Модель

— **Л**адно тебе, подумаешь, не позволил. Знаешь, что на этот счет говорила моя бабушка: Если мужчина не звонит, звони сама... другому.

Таким нехитрым советом Марина пыталась поднять настроение своей коллеге по работе, а может быть, лишний раз вспомнить свою замечательную бабушку, с которой она провела детство.

С детства Марина мечтала стать моделью, как во всякой красивой легенде уехать куда-нибудь в Европу, в Рим или в Париж, жить там впроголодь во время своего становления моделью, жить там на сорок евро в неделю, экономить на еде, давиться макаронами и курицей, страдать, работать какое-то время вешалкой в шкафу, на которую вешают что

попало, пока, наконец, в один прекрасный день не достанут из шкафа и не выведут в свет под выкрики «Браво!» на красную дорожку, на глянцевую обложку, махом пристегнув несколько нулей к тем жалким сорока евро.

А пока она работала по-настоящему, уже несколько лет, в магазине одежды продавцом и училась на заочном на дизайнера в Университете Технологии и Дизайна.

Она не была глупа, Марина тешила себя мыслью, что это мнимое модельное счастье стало бы для нее абсолютным кошмаром. Что, если бы кто-то напялил эту шкуру на себя хотя бы на один день, сразу сказал бы: на кой мне нужна такая красная дорожка, я лучше буду ходить по тротуару и спокойней спать, а главное с тем, кого люблю. Потому что шкурка эта едва ли прикрыла бы те самые интимные части души, которые так нуждаются в защите. А все бы только и пялились именно на них, желая заглянуть в подноготную, войти и оставаться там как можно дольше, рассказывая всему миру, что же скрывается под этой наго-

той. Возможно, именно поэтому она с трудом избавилась от детской привычки грызть ногти. И при малейшем беспокойстве, возвращалась к ней вновь.

Жизнь постоянно отвлекала ее с экрана на чьи-то истории, было в этом проявлением слабости. Надо было срочно писать свою. Ей хотелось помочь чем-то этому миру. Помочь как-то эффектно, чтобы все заметили, оценили и восхитились. Затем превратить эту помощь в некую систему под название благотворительность и этим жить. Творить благо каждым своим шагом, каждым своим появлением.

Ей очень хотелось когда-нибудь пообедать с Орнеллой Мути, просто потому, что та напоминала ей сейчас ее бабушку, Мути еще была жива, а бабушки уже не было. Случилось так, что бабушка и была той самой красной дорожкой, которая провела ее в жизнь. Именно от своей бабушки она узнала, что такое женщина и когда наступает старость. Некоторые казались ей старухами уже в тридцать,

другим могло быть за семьдесят, но они жили полноценной жизнью, потому что не боялись стареть и относились к этому запредельно просто. Так или иначе, Марина постоянно примеряла их образ жизни на себя, ей нравилось смотреть на себя со стороны, благо зеркал в магазине, где она работала, было много. Иногда ей хотелось побыть кем-то из клиентов хотя бы один день, а кого-то хватало на мгновение, чтобы крикнуть «чур меня, чур». Иногда она выходила из себя, потом опять возвращалась, ей нравилось быть собой. В этом перевоплощении она и видела свое основное творчество, творчество, которое приближало ее к самой себе.

С детства она любила долго смотреть в зеркало, до тех пор, пока не придет вдруг понимание, что вот там — это я. У нее были брови домиком, в котором она обычно пряталась от невзгод. Драмы, как и у всякой девушки, имели место быть. Одна из них случилась, когда однажды в школе отменили форму, вот тогда она поняла, насколько семья ее бедна. Она не

могла стать богатой, сколько не работай. Потому что все работали над некой красивой формой. Кто бы мог объяснить людям тогда, что если долго работать над содержанием, появится и форма. Ведь до этого я была абсолютно как все. Я следила за своей внешностью, будто шпион, я подглядывала, вынюхивала, пытаюсь разузнать, действительно ли я красива и могу ли я себя таковой считать. В пятнадцать бабушка подарила мне шикарное платье, именно в пятнадцать я поверила бабушкиным словам: Красотка! Я не шучу, в тебе есть эта самая пресловутая красота, о которой многие боятся даже мечтать. Не бойся ее, это наследственное. От этого не уйдешь, но к этому надо прийти. Красота — это хороший бонус, который при рождении дают не всем. Тебе дали. Если ты выйдешь на улицу в этом платье, ты поймешь.

Я шла по улице, чувствуя душевные волны — вау! Это были взгляды мужчин и женщин, юношей и стариков. С тех пор я поверила в свою красоту, если я бродила по своему ма-

газину, оборачивались даже манекены. Элегантные идеальные мужчины холодно смотрели вслед, не решаясь сделать шаг навстречу. Решительности, вот чего, пожалуй, не хватало современным мужчинам. Многие из них так и остались в моей жизни манекенами.

Когда-то меня вдохновляла мужская красота, много позже я разглядела женскую, теперь я точно уверена, что женское тело гораздо красивее мужского. Ноги, грудь, губы. Все знают, как вздымается женская грудь при волнении. Кто-то для этого едет на море, кто-то к любимой. Возможно, дело в том, что красивых женщин значительно больше, чем настоящих мужчин. Женщина больше любит свое тело. Мужчины никак не смогли уяснить, что тело должно быть таким же родным, как и его душа, и любить его нужно точно так же сильно, как жену и дом. Необходимо следить за ним, чтобы оно не теряло форму. Чтобы оно было не только земноводным, но и железобетонным.

В данный момент ее тело было одиноко, спокойно и счастливо, не обремененное никакими связями, ни случайными, ни постоянными, впрочем, все связи в ее жизни были случайными. Одна длиной в два года, случайная, потому что закончилась, не совсем начавшись. Мы ходили в кино ужинали, целовались, приходили к нему. Мне было понятно, как все будет, и, в конце концов, стало приедаться. Встречи, как ночь сурка, они перестали удивлять. Он тоже ощущал, что я начинаю скучать. Из вечера в вечер слово за слово, я оказывалась на четвереньках... Однажды, чтобы придать неожиданности встрече, в процессе он страстно ударил меня по заднице. Удивил? Да! Я обернулась и увидела в его глазах: «Вот что тебе нужно!» Я рассмеялась, я поняла, что это шлепок и был той самой точкой невозврата: «Нет, не мне, не нужно, в общем, я больше не хочу». Расстались так же легко, как и познакомились, точно так же, как растается платье с телом перед постелью. Я надела его, снова стала собой и исчезла из его жизни.

С тех пор перестала искать настоящего мужчину: зачем искать то, чего нет. Теперь у меня стало больше времени на личную жизнь, на прогулки, на свободу. Мне, конечно, все еще хотелось, чтобы в жизни времени на такие прогулки практически не хватало, потому что съемки, интервью и банкеты. Но пока этого не было, сегодня я шла по Невскому. Погода стояла чудесная, она стояла и смотрела на меня. Она любовалась мной, я — ею. Была только одна проблема, новые туфли. Правая беспощадно терла, несмотря на цену. Я свернула на Малую Конюшенную, села на скамейку и сняла туфлю. Лодыжка была стерта, и натуральная розовая кожа покраснела от моей крови. Пластыря не было. Я накрыла рану салфеткой.

— Что, стерли?

— Да.

— Красивые!

— Да, новые.

— Я про ноги.

— Спасибо. Я тоже, — отшутилась я в ответ. Я отлично знала, что если у человека нет чувства юмора, то и с остальными беда. У этого чувство юмора было на месте. Да и сам он выглядел приятно. Особенно притягательны были его глаза, в них горел дьявольски привлекательный огонёк, который вырабатывал самое главное свойство человеческой симпатии — энергию. Это была высокая энергия. Было видно, что он не работал над созданием образа спасителя, просто подошел, потому что хотел помочь, потому что у меня красивые ноги, в конце концов.

— Помочь?

— Это вряд ли. Чем вы сможете мне помочь?

— Ну, не знаю.

— У вас есть пластырь?

— Нет.

— Значит, не судьба.

— Да, с такими ногами далеко не уйдешь...

Украдут, — снова пошутил незнакомец. Он явно не хотел уходить и обдумывал пути моего

спасения. — Могу сходить в аптеку, — достал он свой телефон и начал искать на экране ближайшую. — Полтора километра отсюда есть аптека. Могу сбежать.

— Давайте вместе дойдем.

— А вы сможете?

— Надеюсь, — вставила я обратно ногу в туфлю, предварительно накрыв рану салфеткой.

— Как?

— Терпимо, — сделала я несколько шагов вместе со своим новым проводником.

— Кстати, Александр, можно просто Саша, — улыбнулся мне молодой человек.

— Марина, — ответила я.

— Точно сможете идти?

— Ну, иду же, — постаралась я придать своей походке легкость.

— Я вижу.

— Что еще видите?

— Вижу, что у вас никого нет.

— С чего вы взяли?

— Слишком идеальны, слишком независимы.

— О, нет, не идеальна, — снова начала прихрамывать я. — Особенно сегодня. Чувствую, не дойду. Уже без ног, точнее — без ноги.

Прошли мы около двухсот метров, когда мне снова захотелось опуститься на ближайшую скамейку. Рана кричала, и каждый ее крик отдавался острой болью. Но скамейки уже не было, до аптеки еще далеко, только витрина дорогого обувного магазина, словно издевка, с красивыми туфельками за стеклом. Я оперлась рукой на Александра.

— Ладно, — неожиданно для меня, он подхватил меня на руки и понес.

— Вау! — на автомате обхватила я его шею, будто всю жизнь меня носили так на руках. Думаю, что в последний раз это делал отец. Он подхватывал меня, потом сажал на свои колени. Думаю, что впервые в жизни я осознала, что такое абсолютное счастье, сидя у отца на коленках. Он читал мне перед сном сказки. Когда я просыпалась, он уже уходил

на работу, а приходил поздно. Я очень боялась, что в именно в этот день он не вернется, но он всегда возвращался, потому что он знал, как мне нужны были его колени.

Чтобы как-то освоиться в чужих руках, на мгновение я закрыла глаза. Этого было достаточно, что через несколько шагов Саша взлетел вместе со мной по ступеням в обувной магазин.

— Что все это значит, Александр? — улыбнулась я, все еще пытаюсь держать себя в руках, в его руках.

— Просто мне не нравится слово пластырь, какое-то не романтическое. Мне не хочется, чтобы мы потом вспоминали, что знакомство наше началось с пластыря, пусть оно начнется с новых туфель. К черту пластырь, я подарю вам новые туфли, — усадил он меня на пуфик для примерки обуви.